

являлся до 1960-х гг. титульным), стало ориентиром для архивного работника, определявшего начальную дату документа. Но так как последние две цифры во фрагменте «1763 года» имеют на указанном листе характер угасающего текста, они, вероятно, были прочитаны как 1798 г. и внесены на тот переплет дела, в котором оно находится до настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб., 1872. Т. 1.
2. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского : [в 2 т]. СПб., 1861. Т. II.
3. Карцов В.Г. Организация управления народов Сибири и декабристы // Калининский государственный педагогический институт им. М.И. Калинина. Кафедра истории. Калинин, 1962. С. 118–134. (Учен. зап.: Т. 26).
4. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2.
5. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма в России и народы Сибири XIX – начало XX века. Иркутск, 1986.
6. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
7. Хоч А.А. Административная политика М.М. Сперанского в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 г. // Вестник Моск. ун-та. Серия 8: История. 1990. № 5. С. 40–49.
8. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири. Якутск, 1978.
9. Федоров М.М. О первых проектах закона о правовом положении народностей Сибири // Сборник научных трудов Якут. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. Якутск, 1994. С. 54–62.
10. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 36.
11. John W. Slocum. Who, and When, Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of «Aliens» in Imperial Russia // The Russian Review. 1998 (April). Vol. 57, N 2. P. 173–190.
12. Марченко В.Г. Система управления сибирскими аборигенами в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. // Археология и этнография Приобья : сб. науч. стат. Томск, 1982. С. 153–164.
13. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М.М. Сперанского. М., 1991.
14. Юшковский В.Д. Батеньков в Томске. Томск, 2007.
15. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005.

Статья поступила
в редакцию 29.01.2013

УДК: 93/94(47).083

И.В. ВОРОНЦОВА

«СВОБОДНОЕ ХРИСТИАНСТВО» ЕПИСКОПА МИХАИЛА (СЕМЕНОВА) И «СОЦИАЛЬНЫЕ» ПРОГРАММЫ 1905–1915 гг.

канд. ист. наук, канд. богосл.,
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет,
г. Москва
e-mail: irinavoronc@yandex.ru

Религиозный реформизм проявляется в периоды исторического обновления. В России в 1905 г. в реформистских структурах появились группы «свободного» или «социального христианства». Один из его руководителей еп. Михаил (Семенов) планировал создать новую, свободную церковь. Свободное христианство опиралось на программы, которые имели религиозное обоснование социальных требований. Какая из программ принадлежала Михаилу (Семенову)? Почему «неохристиане», поддержавшие «голгофское христианство», затем отказались от содействия «голгофцам»? Автор сопоставляет варианты программ и решает эти вопросы.

Ключевые слова: еп. Михаил (Семенов), свободное христианство, голгофские христиане, религиозный реформизм.

Прецеденты религиозного реформаторства в истории государств возникают в периоды социально-политической напряженности, когда представители духовенства также начинают вести политически ориентированную общественную деятельность. Такие периоды внутривластной активности влекут за собой попытки пересмотра церковно-государственных отношений, идея реформ в Церкви эксплуатируется гражданским обществом, где возникают группы деструктивного направления, воспринимающие ради-

кальные религиозные и революционные идеи, пропагандирующие их, но не способные решить ни одну из существенных для современности проблем. Таким явлением вскоре после 1905 г. стало «свободное» или «социальное христианство». В его популяризации сыграл видную роль С.Н. Булгаков [1, с. 16], в 1905–1907 гг. увлекшийся идеей создания «союзов христианской политики», издававший газету «христианских социалистов» «Народ», а также В.Ф. Эрн и В.В. Свенцицкий – издатели журнала «Живая жизнь», организаторы

«Христианского братства борьбы»¹, куда был приглашен доцент СПбДА, архимандрит Михаил (П.В. Семенов).

В последние годы «социальное христианство» в рассматриваемом нами контексте исследовалась философами² и историками³ или комментировалась в контексте творчества Михаила (Семенова) [2; 3] – руководителя одного из его направлений (голгофского). Значительный материал о Семенове собран в апологетических работах Н. Дзюбенко [4] и Д.А. Головушкина [5]. Последний разделил период увлечения Михаила (Семенова) «свободным» христианством на «социальный» и «голгофский» (считая, что в «социальном христианстве» архим. Михаил разочаровался). Очевидно, ученый считает «голгофское христианство» самостоятельным движением, но как классифицирует его – осталось не понятным. Между тем исторические документы (программы) истории развития этого направления, на треть состоят из социальных пунктов. Религиозные разделы выполняют функцию «обслуживания» идеи социального освобождения и имеют нравственно-этическое содержание⁴. Наиболее достоверно и полно «социальное христианство» представлено в книгах и статьях самого Михаила (Семенова) [6; 7]. Религиоведческий анализ «социального христианства» в его трактовке подробно проведен в «Собрании статей по делу епископа Михаила Канадского» [8]. В нашей статье это явление рассматривается на материале достаточно полно выразивших его «Программ» – ХББ, русских христианских социалистов, «Исповеданий» голгофского христианства и самого епископа Михаила.

ХББ было «первой попыткой создать в России христианскую политическую организацию» [9, с. 3]. Наряду с политическими, оно преследовало религиозно-реформистские цели [Там же, с. 9, 11]. Причем ХББ переняло ряд неохристианских идей (например, об «освящении» Христом всех проявлений человеческой жизни и прогресса; мертвенности исторического христианства, создании христианской общественности [Там же, с. 21]). Проект программы представлял собой религиозную проповедь с конкретизацией общественной задачи на последнем, 12-м пункте. Программа состояла из реформистских религиозных и социальных пунктов, идеалом отношений политических, общественных и экономических объявлялась Церковь [Там же, с. 22]. Социальная часть гласила о необходимости устранения частной собственности, обобществления

орудий производства, отмены эксплуатации, религиозная требовала демократизации в Церкви, свободы в богослужбных чинах, отмены наказаний за религиозные преступления и духовной цензуры, отделения Церкви от государства, созыва Собора [Там же, с. 22–28.]. В «политической» и «экономической» частях значились характерные для 1905 г. Учредительное собрание, демократическая республика, гражданские свободы, в том числе совести, отмена статуса царя как «помазаника Божия», переход земли в собственность трудящихся, 8-часовой рабочий день.

Архимандрит Михаил участвовал в ХББ как проповедник в среде рабочих. До 1905 г. его публикации и проповеди отвечали духу и букве церковного христианства и успешно противостояли популярным докладам в ПРФО⁵ «неохристиан» о церковном и религиозном обновлении⁶. Пока никому не удалось объяснить, что заставило архимандрита Михаила (Семенова) стать сторонником «неохристианства» в 1907–1910 гг.⁷ Д.А. Головушкин и С.Л. Фирсов по-разному объясняют причины его увлечения религиозным реформизмом: Фирсов видит в нем форму противодействия «церковному радикализму “белых священников”», желавших реорганизовать церковный строй «на началах первых веков христианства» и «осуществить идеалы соборности во всех отраслях церковной жизни» [3, с. 325.]. Головушкин отмечает то же самое как область идеалов самого Михаила (Семенова)⁸, а причины видит в *прогрессивности* архимандрита. Вряд ли такая полярность мнений является свидетельством их обоснованности. К 1905 г. Михаил (Семенов) был на пике популярности как религиозный писатель⁹, подпись его под запиской «32-х петербургских священников» о необходимости церковных перемен говорит о его присоединении к церковно-реформаторскому движению. В 1906 г. он рассуждал о разнородности христианства и социализма и одновременно цитировал компромиссные высказывания К. Каутского о том, что можно быть «хорошим христианином и... питать горячее сочувствие к классовой борьбе пролетариата» [7, с. 15]. Разделив христианство и Церковь, «закон Евангелия» от «законодателя Христа», Михаил (Семенов) нашел, что христианин может идти к Христу и через социал-демократию. Идеи французского «социалиста» Ф. Ламенне [10] подсказали ему направление деятельности – «социальное христианство» [11, с. 9–10]. Признаваясь в своих книжках, что ему не дает покоя «зло мира», он решал стать социалистом, чтобы бороться с «мамо-

¹ Далее – ХББ.

² *Останина О.В.* Обновленчество и реформаторство в Российской православной церкви в начале XX века : дис. ... канд. филос. наук. Л., 1991; *Шиманская О.К.* Социальная проблематика Петербургских религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. и современное богословие : дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 1995.

³ *Головушкин Д.А.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви в 1905–1925 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002.

⁴ «Верующая часть народа... только на религиозной почве и может присоединиться к освободительному движению» [9, с. 15].

⁵ Петербургское религиозно-философское общество.

⁶ Лекция иером. Михаила 03.12.1903 г. была посвящена Д.С. Мережковскому – как объединившему культ Дионисия с христианством.

⁷ В 1907 г. он осудил свою проповедническую деятельность 1901–1903 гг., назвав себя «заблуждавшимся», вместо «жизненной правды» защищавшим церковные догматы [11, с. 5, 8].

⁸ Д.А. Головушкин пишет, что переход к старообрядцам органичен, так как между обновленчеством и старообрядчеством имеется типологическое сходство [5, с. 7, 24].

⁹ В 1904 г. им издано более 10 книжек религиозно-нравственного содержания.

ной» изнутри. Отрицавшаяся им ранее «борьба» (как не характерная для Церкви) становится доминантой его последующих программ-«исповеданий». В 1907 г. в контексте социальных поисков представителей западного христианства архимандрит Михаил опубликовал варианты программ «христианских социалистов». «Программа русских христианских социалистов» была помещена после статьи и программы немецкого социалиста Ф. Наумана [12, с. 13–37, 38–39] и критики на нее [12, с. 39–46] (убеждавшей, что «христианство Наумана не знает Бога живого» [12, с. 39–46]). «Программа русских христианских социалистов», видимо, должна была показать прогрессивность социальных христиан в России, но состояла преимущественно из экономических требований, заявленных в программе ХББ, и хорошо демонстрировала трудности в задаче связать Христа, вероисповедание и борьбу за социальную справедливость; ее тоже можно было упрекнуть в незнании «Бога живого». Программа была свободна от реформистской риторики ХББ, не захватывала ни Церковь, ни церковность. После 1907 г. архимандрит Михаил оказался единственным идеологом «социального христианства»: «Народ» закрыли (1906), «Живая жизнь» самостоятельным печатным органом «социального христианства» стать не смогла, Булгаков от «неохристиан» ушел в лагерь ортодоксов. Идеологическая платформа «социального христианства» не была разработана. Это был год возобновления заседаний ПРФО и новой волны религиозного реформизма.

Первое известие о намерении архимандрита Михаила (Семенова) создать «свободную церковь свободного обряда» относится к лету 1908 г. [13, с. 1430–1435], когда он перешел к старообрядцам. Около него группируются лишенные сана священники Колокольников, Тихвинский, Огнев, Брихничев, из их числа предполагалось рукоположить епископа для будущей общины, на этом формальная связь со старообрядчеством заканчивалась, религиозная жизнь должна была идти на новых началах. Позднее Михаил (Семенов) подтвердил: в 1907 г. «еще не было» «свободных христиан», а лишь «православные», которые «желали отделиться от Церкви синодской в свободную (от государства и Синода) Церковь» [14, с. 349]. Беседовавший с ним священник сообщал и о другом варианте у архимандрита Михаила – поиске епископства «в славянских землях»; от приглашения католиков он отказался, считая, что «католическая церковь держится тех же ересей», что и Русская [13, с. 1431]. Тем же летом Михаил (Семенов) был возведен в епископский сан.

М. Шагинян писала о самовозникновении «голгофского социализма» в среде петербургских рабочих вскоре после 1905 г., считая, что они восприняли идеи Михаила (Семенова) из его статей [15, с. 312–349]. Но понятие «голгофское христианство» не могло родиться в рабочей среде, так как в его основе лежит доктринальная идея «неохристианства» о мире как едином Теле Христовом, которое мир (христианский и нехристианский) представляет так же; Телом Христа является, согласно православному вероучению, Церковь. В

1915 г., вынужденный оправдаться перед старообрядцами, еп. Михаил писал, что составил обобщение религиозно-реформистских идей – своих и (социальных) рабочих [16, с. 602]. Такое объяснение подходит к тексту «Исповедания голгофского христианства».

Вскоре Михаил (Семенов) стал запрещенным в священнослужении старообрядческим Освященным собором 1909 г. епископом без епархии; но ему удалось заинтересовать возглавляемым им «голгофским христианством» совет ПРФО (не исходила ли идея епископства от четы Мережковских?). Д.С. Мережковский, Д.В. Filosofov, секретарь С.А. Каблуков намеревались принять участие в съезде представителей общин «голгофского христианства» [17, с. 91]¹⁰. Съезд должен был утвердить программу, которая, согласно Каблукову, писалась и переписывалась еп. Михаилом при непосредственном руководстве З.Н. Гиппиус. Возможно, окончательным вариантом, представленным на съезд, был текст программы, которая хранится в фонде ПРФО в РГАЛИ¹¹ под названием «Исповедание еп. Михаила». Выдержки из этого текста приводил С.А. Панкратов, беседовавший с еп. Михаилом. Согласно этой беседе, «голгофцы» были свободны от соблюдения церковного обряда [18, с. 124], Михаил (Семенов) был не против богослужений на русском языке, но противился, желая сохранить свой старообрядческий статус. «Свободное, или... социальное христианство... – “новая вера”, – передавал слова еп. Михаила Панкратов. – Она может возникнуть только на пепелище старых форм» [18, с. 124]. От традиционного Евангелия, по еп. Михаилу, надо было отказаться, чтобы обрести «истинное». Догматы он считал делом второстепенным. «Нужна земная вера, которая может основаться только на пепелище старого христианства» [18, с. 124].

Названные им заповеди Панкратов изложил тезисно: «1. Не слишком смотри в небо: посмотри – рядом для твоей сестры строится новый публичный дом. 2. Не благотвори и ненавидь благотворительность: это мошенническая сделка буржуа с Богом, которому они хотят заплатить две копейки со ста¹². 3. Не жалеи и не будь слишком милосердным самарянином; хорошее стало ложью. ... Жалость самарянина – теперь только блуд, бегство в сладострастие жалости от ужаса перед зрелищем мира, погибающего от насилия... 4. Разрушь злую заповедь терпения... эта антихристова заповедь есть дважды душеубийство: по отношению к тем, кто слишком терпелив... и... к тем, чье зло терпят... 5. Разрушь злую заповедь о святом труде, потому что труд – грех и преступление: рабий и подлый, он делает душу годной только для алкоголя и разврата. 6. ... Христианство может быть только общественным. Христианство личного спасения – лживые выдумки тех, кто во имя Христа создал рабство. Подожди спасать свою

¹⁰ Открылся 27 февраля 1910 г., лидеры ПРФО участия в нем не принимали.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Ед. хр. 40.

¹² В другой редакции – «взятка Богу».

душу: она принадлежит другим, и, спасая её, ты воруюшь» [18, с. 125].

Эти же заповеди есть в «Исповедании еп. Михаила» и в «Исповедании голгофских христиан», опубликованном и откомментированном в «Собрании статей». Сами программы включают высказывания из книги «12 писем о Христе подлинном» [19].

«Исповедание еп. Михаила» разделено на теоретическую часть реформистского содержания, где церковное христианство представлено «убогим и серым»¹³, изложено «учение» о перманентной Голгофе, врагом объявлены «учреждения», где «кристаллизировалось» зло «ветхих понятий, внушенных столетиями лжи»¹⁴. Второй раздел раскрывает слово «учреждение» и содержит обвинения в адрес «господствующей Церкви» – в насилии, лжи, служении «власти земной», «поддержке суеверия и религиозного невежества, «подложных рассказах о небывалых чудесах», уничтожении «истины и догмы христианства», клевете на «учение Церкви и таинства»¹⁵. Третий посвящен социальной сфере («Христос пришел, чтобы в его царстве не было господ и рабов», отменить смертную казнь, проституцию, землю отдать работающим на ней) и «исповедную» (провозглашалась свобода толкования Св. Писания, признания догматов, Символа веры; поклонение иконам и мощам признавалось язычеством, искусство – «богодухновенным») ¹⁶. Каблуков писал в дневнике, что радикальность этого представленного еп. Михаилом «исповедания» озадачила самих теоретиков¹⁷ «неохристианства».

«Исповедание голгофских христиан» с приложениями, обращенными к баптистам, «евангельским» и «духовным христианам», отличается от «Исповедания еп. Михаила» значительной стилистической правкой, сократившей религиозно-реформистскую риторику и пересказ церковного учения о Голгофе. Из ступления ясно, что «Исповедание» было обнародовано в апреле 1910 г. С первых же строк усилен акцент на «подмене» и «великой лжи» церковного христианства, внесены императивы с призывами отказаться от «ложных вождей» (церковных) как «клеветников» на учение Христа и «кошунников», забывших о земле; внесен «неохристианский» тезис об «общественном» спасении; четко изложено учение о перманентной Голгофе. Второй раздел пополнился обвинением в «переделке Евангелия» [8, с. 97], в искажении Нагорной проповеди (социальный подтекст), превращении «брака в проституцию». Третья часть была дополнена: «исповеданием», что «нищеты не должно быть в царстве Христа», «черта оседлости» названа «величайшим богохульством», обосновано запрещение смертной казни, объявлена свобода «искания» «живого смысла... догматов веры», продолжающееся Откровение, уточнено отношение к посту, евхаристии, таинствам, подчеркнута, что все не-

решенные вопросы должны быть решены «новой церковью», которая внесет «вторую половину Христовой правды... о земле» [8, с. 103–107]. Кроме того, добавлено обращение к желающим присоединиться.

Некоторые исследователи¹⁸ считают составителем «исповедания» о. Иону Брихничева. Но брошюра Брихничева [20, с. 5–6] излагала концепцию «голгофского христианства» в самом общем виде; возможно, сомневающиеся имеют в виду письмо еп. Михаила старообрядческому еп. Одесскому и Балтскому Кириллу (1910), где он отказался от причастности к посылке в Самару рукописи под тем же названием, однако эта «непричастность» была выражена лишь в том, что рукопись «не во всем моя» и «искажена»¹⁹.

«Программа русских христианских социалистов» (1907) схожа с «Исповеданиями» в отдельных пунктах, по содержанию и оформлению. Согласно программе, «свободный» христианин считал делом «личного духовного роста» осуществлять завет Христа, основанного «церковь для создания царства Божия в душах, организациях, общественных отношениях», был обязан отстаивать «конституционную монархию», «реформу брачного права»; а священник – проповедовать «свободу совести, слова, собраний, союзов, личности... черты оседлости» [12, с. 46–47].

Таким образом, «программы» социального христианства имели задачей – религиозное обоснование социальных требований. Михаилу (Семенову) не удалось «подыскать формулу нового религиозного мышления и действия» для народа [18, с. 125], этим объясняется смущающий исследователей стилистический разнобой в текстах «исповеданий». Хотя «голгофцы» написали заявление о выходе из Русской Церкви, составленная совместно с «неохристианами» программа вызвала их неодобрение, руководители стали покидать общины. «Неохристиане» разочаровались в еп. Михаиле, как только поняли, что новую Церковь ему создать не удастся. После 1915 г. движение перестало существовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михаил (Семенов), архим. Как я стал народным социалистом? М., 1907.
2. Головушкин Д.А. «Петербургские дни» архимандрита Михаила (Семенова): от идей христианского социализма к теологии «новой Голгофы» // Материалы по исследованию религиозной ситуации на Северо-Западе России. СПб., 2006. Вып. III. С. 63–70.
3. Фирсов С.Л. К вопросу о церковном реформаторстве начала века: штрихи к портрету старообрядческого епископа Михаила (Семенова) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв.: сб. памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999.
4. Дзюбенко Н. Старообрядчество и церковное обновление // Материалы Междунар. богослов. конф. «Живое предание». М., 1999.
5. Головушкин Д.А. Апостол XX века: жизнь и творчество о. Михаила (Семенова). СПб., 2010.
6. Михаил (Семенов), еп. Собр. соч. / сост. В.В. Боченков. М.; Ржев, 2011.

¹³ РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Ед.хр. 40. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 4–5.

¹⁷ З.Н. и Д.С. Мережковских, Д.В. Философова.

¹⁸ В том числе В.В. Боченков.

¹⁹ НИ ОР РГБ. Ф. 246. К. 213. Ед. хр. 27. Л. 1–1об.

7. А.М. [Михаил (Семенов), архим.] Христианство и демократия. СПб., 1906.
8. Собрание статей по делу епископа Михаила Канадского. М., 1914.
9. Свенцицкий В.В. Христианское братство борьбы и его программа. М., 1906.
10. Михаил (Семенов), архим. Пророк христианской свободы и свободного христианства. СПб., 1906.
11. Михаил (Семенов), архим. Проклятые вопросы и христианство. М., 1906.
12. Христос в век машин: вопросы религии и общественной жизни. СПб., 1907.
13. Прибавления к «Церковным ведомостям». 1908. № 30. 26 июля. С. 1430–1435.
14. Михаил, еп. Ответ о. Карабиновичу // Старокатолическая мысль. 1915. № 4. С. 349–351.
15. Шагинян М. Человек и время. История человеческого становления. М., 1982. С. 312–349.
16. Михаил, еп. Ответ о. Карабиновичу // Старокатолическая мысль. 1915. № 7. 596–607.
17. Ермичев А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге. 1907–1917: хроника заседаний. СПб., 2007.
18. Панкратов А.С. Ищущие Бога: очерки современных религиозных исканий и настроений. М., 1911. Т. 1.
19. Михаил (Семенов), архим. Двенадцать писем о свободе и христианстве. Письма «о Христе подлинном». СПб., 1909.
20. Брехничев И. Что такое голгофское христианство. М., 1912. С. 5–6.

Статья поступила
в редакцию 12.01.2013

УДК: 94 (98+571)

А.А. СУЛЕЙМАНОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИИ НАУК СССР ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯКУТИИ В 1930-е – 1941 гг.

канд. ист. наук,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск
e-mail: alexas1306@mail.ru

В статье на примере Якутии показана исследовательская деятельность учреждений и сотрудников Академии наук СССР на Азиатском Севере в период, начало которого связано с реорганизацией научного центра и его фактической «советизацией», а окончание – с перестройкой работы в соответствии с требованиями военного времени. В связи с этим определены факторы, оказавшие воздействие на масштабы и векторы проведенных исследований; рассмотрена история реализации ряда академических инициатив, выявлены их основные направления и значение, а также отмечены специфические моменты, характеризующие работу Академии наук на Азиатском Севере в 1930-е – 1941 гг.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Азиатский Север, Якутия, научные исследования, экспедиции.

В конце 1920-х – 1930-е гг. в нашей стране произошли масштабные трансформации, затронувшие все сферы общественной жизни и, естественно, они не обошли стороной крупнейший отечественный научный центр.

Академия наук в рассматриваемый период была фактически инкорпорирована в сложившуюся модель организации государственной власти и стала, как справедливо заметил В.Н. Кудрявцев, «министерством фундаментальной науки» [1, с. 5]. Влияние произошедшей «советизации» на исследовательскую деятельность АН СССР достаточно подробно освещено в научной литературе [2–5 и др.]. Ее авторы сходятся во мнении, что на первый план в работе Академии наук вышли проблемы, связанные с решением задач экономического развития страны и, прежде всего, с изучением и освоением природных ресурсов (показательны в этом плане следующие данные: в 1937 г. в экспедициях АН

СССР работало 54 отряда, из которых 48 были горно-геологическими¹).

Подобная «ресурсоориентированность» в полной мере проявилась и при исследовании академическими структурами северных районов европейской части Советского Союза – территорий Кольского полуострова и Северного края (современные Республика Коми, Архангельская и Вологодская области) [6, с. 18–68; 7, с. 30; 8, с. 338–341, 350–355; 9, с. 302–317; 10, с. 35–39, 65–84]. Последствия же реорганизации АН СССР для академических исследований на Азиатском Севере к настоящему времени остаются «белым пятном» в исторической науке, равно как и влияние на деятельность Академии в этом регионе различных внешних факторов, включая приоритеты, отданные правительством страны при его освоении. Не исследована также спе-

¹ Архив РАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 32. Л. 17.